

КОНСТАНТИН
ФРЕС

ХОЗЯЙКА
МОНСТРВИЛЛЯ
ЧУДОВИЩНАЯ УБОРКА

Константин Фрес

Хозяйка Монстрвилля.

Чудовищная уборка

<https://litres.ru/74203518>

Аннотация

Соседи не дают жизни? Не беда!

Мне выпал шанс выиграть дорогой элитный особняк и уехать подальше от этих злых людей!

Только вот расположен он в странном призрачном городке — Монстрвилле. И, кажется, это не совсем в нашем мире.

Дом населен мерзкими существами. Призраками кусачих тараканов, например. А еще он грязен до невозможности и нуждается в ремонте!

Но это я быстро исправлю. Все отмою и отскребу, почию лестницу...

Эй, а чей это скелет запрятан в шкафу?! Что значит — мужчина моей мечты?!

Ты, костлявый пижон, не много ли о себе возомнил?! Топай отсюда, эгоист бритоголовый!

Что значит — останешься тут жить?! Что значит — дом твой?!

Ну, дела...

Смогу ли я поделить свой особняк с нахальным скелетом и сумею ли поставить наглых соседей на место — вот вопрос.

Все книги литмоба тут - !!!

Содержание

Запись 1. Дорогой дневник! Жить мне остается около суток...	5
Запись 2. Предложение, от которого невозможно отказаться	13
Запись 3. Ужасно Чистый Экспресс	21
Запись 4. ПылеглоТ Тыкводжек-003	28
Запись 5. Как вывести привидение с ковра	44
Запись 6. Очень грязная история	64
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Запись 1. Дорогой дневник!

Жить мне остается около суток...

Мерзавка заливала мою замочную скважину суперклеем.

Я сразу даже не нашла, что сказать, когда увидела это действие.

Так и встала, как вкопанная, наблюдая за действиями паршивки, обреченно и молча.

Девушка эта — моя соседка с пятого этажа. Дочка хозяев жизни, которым все можно.

Можно — со мной. С одинокой девушкой, за которую заступиться некому.

Отец-инвалид умер в прошлом году, и я осталась одна в крохотной захламленной квартирке.

Хлам я вынесла, квартиру отмыла. Стало чистенько, хоть и очень просто.

Исчез запах болезни и боли.

Но сделать ремонт и привести дом в порядок окончательно мне средства не позволили.

А эти, которые «хозяева жизни», живут в трешке.

Катаются на минивэне, которым почему-то очень гордятся, будто это «Бэнтли».

Меня за человека не считают.

И дочь учат тому же самому.

Она уже не ребенок; рослая, но тощая. Длинная, костлявая.

С застывшей на хорошеньком юном лице капризной маской.

Она боится — или делает вид, что боится, — мою собаку, маленького беспородного песика Боба.

И каждый раз, сталкиваясь с нами на улице, девчонка устраивает шоу «спасите, помогите!».

То убегает в закат вдоль дома, размахивая длинными руками.

То ноет, глядя в мою сторону полными слез глазками.

Бобка ее не тронул ни разу. Даже не гавкнул в ее сторону.

Он в принципе парень флегматичный.

Еще и маленький. Этакая черная щетка на коротеньких ножках.

Подобран на помойке, похож на цвергшнауцера. Словом, не волкодав.

Но это не мешает девчонке биться в истерике, а ее папаше — мне угрожать.

Папаша у нее — амбал двух метров ростом. И интеллектом явно не обезображен.

В последнюю нашу стычку он без каких-либо колебаний достал из машины биту и направился ко мне с целью «переломать хребет этой псине».

Просто чтобы пса не было в доме.

И чтобы его ненаглядное чадо больше не подвергалось

опасности.

Ведь если моя «щетка» сорвется с поводка, то свершится, наверное, все самое страшное.

Девчонка, глядя на заступничество родителя, пакостливо хихикала и смотрела с интересом на то, как ее папаша загоняет меня, беспомощную девчонку, с моей мелкой псиной в угол.

Кажется, ее развлекало и даже нравилось то, как ее папаша гоняет меня палкой...

В тот раз мы с Бобом спаслись.

Я сумела выхватить телефон трясущимися руками и сделала вид, что снимаю.

Папаша ретировался, оставив нас с Бобом перепуганными.

Все-таки, этот огромный и сильный амбал боялся, что я накаатаю на него заяву в полицию.

И что его оштрафуют или даже осудят он тоже боялся.

Не понимать, что сам творит то, что законом запрещено, он не мог.

Но с тех пор каждый раз при встрече он отравляет мне жизнь всеми доступными средствами.

Язвительными замечаниями. Мерзкими угрозами.

Гадкими обещаниями «переломать», «отравить» и прочими радостями.

Вытрепал мне все нервы.

И я, каждый раз выходя из дома, испытывала тоскливый,

гнетущий страх.

Страх снова встретиться с теми, кто надо мной издевается.

Девчонка всегда выглядывала из-за мощной спины родителя с любопытством и мило, мечтательно улыбалась.

Я даже подумала, что она немного умственно-отсталая. Поэтому и собак боится — не знает, как с ними себя вести.

Оказалось, не отсталая...

По крайней мере, клей на мою замочную скважину она наносила весьма аккуратно и со знанием дела.

Так, чтобы я не сразу поняла, почему не могу вставить ключ.

Чтоб ни потека, ни капельки не было.

Боб в квартире под дверями подвывал и слабо тявкал, что девицу несколько не пугало.

Она от усердия даже кончик языка высунула. На ее лице блуждала все та же знакомая мне мечтательная улыбочка.

Сохранять спокойствие мне помогал только тот факт, что эта замочная скважина была не рабочая.

Ключ в ней застрял, сломался, да так там и остался.

Так что, по сути, глупая девчонка занималась совершенно бесполезным занятием.

Но ведь она может и рабочую скважину залить в следующий раз, не так ли?

Я деликатно кашлянула, девица ойкнула и от двери отско-

чила.

Тюбик суперклея от внезапного сильного нажатия щедро плеснул вонючим цианакрилатом и предательски прилип к ее пальцам.

Так что избавиться от него сразу у нее не вышло.

Она в панике попыталась его стряхнуть, а потом просто зажала в кулаке и отступила, спрятав руки за спину и опустив стыдливо глазки.

Ее смуглая загорелая мордашка даже побледнела от страха.

Но девчонка быстро пришла в себя и смело подняла на меня взгляд своих темных, мышиных круглых глаз.

— Ну и что ты мне сделаешь? — выпалила она с вызовом, уставившись на меня. — Я скажу, что ты меня толкнула. Или что твоя собака меня за ногу укусила, и папа тебя с лестницы спустит! И собаку твою пришибет.

Это была последняя капля.

Я почувствовала, что не Бобка, а я сама срываюсь с поводка.

И под ногами у меня разверзается ад, откуда сейчас ползут самые жуткие демоны.

Кажется, у меня даже мозги закипели от злости.

Эта паршивка свято уверовала в то, что имеет право просто так издеваться надо мной, и ничего ей не будет.

Думаю, и сцены с собакой она исполняла нарочно. Чтобы натравить своего недалекого папашу на меня и посмотреть,

что будет.

Просто травить человека доставляет ей удовольствие...

— Что я тебе сделаю? — спокойно произнесла я, аккуратно опуская на пол пакет с продуктами. — Сейчас узнаешь.

Девчонка мигом сообразила, что дело пахнет керосином.

Она рванула вверх по лестнице со всех ног.

Но я одним прыжком разъяренной тигрицы догнала и вцепилась мертвой хваткой в ее тощую шейку сзади, намертво зажав в пальцах и пряди ее длинных красивых волос.

— Волосы, волосы больно! — запищала девчонка. И тотчас же перешла на уверенный, хамоватый тон. — Отпусти меня! Кому сказала! Все папе расскажу...

Что она там собралась рассказывать папе, осталось для меня тайной.

Яростно взревев, тряхнув ее как следует, я развернула девчонку к своим дверям лицом и что есть силы толкнула вперед, как ракету в небо.

Та, нелепо размахивая длинными руками, потеряв по дороге одну из туфель, вмазалась в мою дверь лбом, грудью и животом с громким «бам!».

И, оглушенная, отскочила от двери, как мяч. Попятилась назад.

Тут-то я ее и настигла снова.

— Папе расскажу, — повторила девчонка со слезой.

Но, кажется, ее вера в превосходство надо мной и в свою безнаказанность была последней каплей.

Мне сорвало крышу окончательно.

И я продолжила экзекуцию.

Вцепившись в ее шею снова, я с утробным рыком нагнула девчонку и опять что есть мочи толкнула в дверь, нарочно метя так, чтоб она врезалась лицом.

Та снова вцепилась в металл лбом, физиономией со смачным шлепком.

— Папе...

После третьего толчка силы меня покинули.

Ярость выжала досуха.

Но и девчонка больше не вякала.

Она отлетела от дверей и схватилась за голову, облапала лицо.

Тюбик суперклея повис на ее длинных волосах, прочно вклеившись в большую прядь намертво. У самого лба, на самом видном месте. Придется отстригать.

Из носа у нее текло.

Она редела, беззвучно разеваая мокрый, слюнявый, некрасиво распыленный рот, как ревт совсем маленькие дети, и мелко вздрагивала тощими плечиками.

Лицо ее приобрело равномерный розово-лиловый оттенок свежего назревающего синяка.

Губы покраснели и стали похожи на мокрые сардельки.

Но зато я стерла с них мерзкую садистскую улыбочку!

Девчонка смотрела на меня своими мышинными глазками, и в них было бессилие и злость.

И слезы. Много слез.

— Я все про тебя расскажу! — выкрикнула она, обретя голос.

Захлебываясь рыданиями, она отступила от меня в сторону лестницы.

Видимо, не хотела еще раз «поцеловать» испорченный замок.

Я преследовать ее не стала.

Стояла, сопя, как разъяренный дракон, переводя дух.

— Тебе конец! — кричала она. — Папа вернется со смены утром, он тебя по стенке размажет!

Она хотела взять реванш тотчас же. Здесь и сейчас.

Но я была не в том настроении, чтоб напугаться.

Подхватив ее потерянную туфлю, я размахнулась и запустила ее в девчонку.

Туфля попала очень хорошо, хлестко впечатавшись грязной подошвой в девчачье лицо.

Девчонка взвизгнула и рванула со всех ног наверх, в свою трехкомнатную крысячью норку.

А я, устало подобрав пакет с едой, нашарила в сумочке ключ от дома.

Ну, вот и все.

Теперь этот амбал меня точно убьет...

Запись 2. Предложение, от которого невозможно отказаться

Весь оставшийся день я пряталась дома и рыдала.

Когда боевой настрой испарился, я очень сильно пожалела, что наподдавала девчонке.

Под дверями моей квартиры бушевала ее мамаша.

Она колотила в дверь ногами и руками, поливая меня отборными ругательствами.

— Тебя пеной монтажной надо залить, а не суперклеем!
— злобно орала эта замечательная во всех смыслах женщина. — Ребенка избила! За что? Подумаешь, ребенок пошутит...

То есть, ее чадо поведало ей, за что выхватило плюшек.

Но мамашу ничего не смутило. Деточка играет, что тут такого?

Это же ребенок! 11 Рас, рас.

Мне оставалось лишь глотать слезы от обиды и страха, прижимая к себе поскуливающего Бобку.

— За что нам с тобой это, а? — тихо спрашивала я его.
— Кому мы помешали? Что плохого сделали?

Ответа на эти вопросы у него не было.

Да и у меня тоже.

Когда разъяренная мамаша девчонки вдоволь наколотит-

лась в мою дверь и ушла, я, наконец, осмелилась пошевелиться.

В пакете, что я принесла из магазина, было несколько пакетиков с кофе, молоко, хлеб, кусок колбасы и корм для Бобки.

Не зажигая света, передвигаясь тихо, как партизаны, мы с Бобом проникли на кухню.

Там, в быстро надвигающихся ненастных осенних сумерках, я поставила чайник на плиту.

Насыпала корма Бобке в миску, нарезала бутербродов.

Обычно такие посиделки осенними вечерами приводили меня в состояние блаженного покоя.

Но сегодня расслабиться не удалось.

От обиды и страха руки тряслись, сердце колотилось.

Мысли о грядущей расправе не выходили из головы и отравляли мое существование.

Да еще и голос разъяренной мамыши чудился за дверью.

Мне казалось, что она, поднимаясь по лестнице на свой пятый этаж, по дороге встречает всех соседей и всем им с надрывом рассказывает о том, какое я чудовище.

Бьет себя в грудь и с повторяет: «Сил больше нет. Нет моих сил!».

Так мать говорила перед тем, как сбежать.

Когда отец заболел, за ним пришлось ухаживать.

Силы у нее кончились быстро. Примерно через месяц.

Но и отец долго не проболел. Угас в полгода...

От этой ассоциации стало еще горше.

Я уселась на пол и откровенно разревелась, уткнувшись лицом в шерстку Боба.

Тот залез мне на руки и поскуливал, словно прощения просил.

— Ты ни в чем не виноват, — всхлипнула я, поглаживая песика. — Это люди такие...

Эх, вот бы подзаработать и обменять квартиру!

Переехать в другой район, или — что вообще было идеально, — в свой дом с небольшим двориком. И с забором повыше, чтоб никто не беспокоил.

Но хороший, благоустроенный дом стоит намного больше, чем моя крохотная квартирка.

Так что все это мечты, мечты...

В этот момент в дверях я услышала слабое шкрябанье.

Словно чем-то острым провели по металлу двери.

И еще. И еще!

«Мерзавка клеем заливает!» — промелькнуло у меня в мозгу.

Слезы вмиг высохли, потому что меня окатило горячей волной ужаса и паники.

Если девчонка доведет дело до конца и испортит мне рабочий замок, я завтра не смогу выйти из дому.

Придется вызывать спасателей.

Они разворотят мне дверь.

На новую дверь денег нет.

А если и найду, то как я отлучусь из открытой квартиры, чтоб дверь купить?

Мне же все из дома вынесут! Или нагадят добрые соседи...

И с родителей мерзавки денег не страсти.

Не пойман — не вор. Поди, докажи, что это ее рук дело?

Как вообще я решу эту проблему с дверями? Никогда не сталкивалась с таким!

Значит, надо пресечь тотчас же это! Не дать заклеить себе вход!

Я с ревом пронеслась к дверям и распахнула их с видом убийцы.

Разумеется, никого за дверями не было. Тихо, пусто.

Сработав на движение, над головой вспыхнула лампочка.

А под ноги мне ссыпались красочные рекламные буклеты, которые кто-то сунул мне в щель между дверью и косяком.

Странно.

Кто ж и когда это мог сделать?

Оглядев подозрительно площадку, я собрала яркие рекламки и вернулась в квартиру.

Ничего особенного, обычные приглашения на быути-процедуры, да оповещения об открытиях новых торговых центров.

А одна — она выгодно отличалась ото всех размером.

Квадратная, шире и больше всех прочих рекламных листов, она была отпечатана на шероховатой белой бумаге с зо-

лотым тиснением.

На главной странице была изображена яркая ухмыляющаяся тыква и написано большими буквами с каким-то странным, неуместным восторгом: «Приглашение!».

На Хэллоуин, что ли? Не рановато ли?

Я раскрыла рекламный буклет и прочла.

«Мы выбрали вас, потому что знаем о вашем таланте наводить порядок и создавать уют в самых запущенных ситуациях! Вы — профи в вопросах сложной уборки, и мы нуждаемся в ваших умениях!»

Хм, странно.

Нет, это, конечно, правда.

Когда папа заболел, его дом превратился в ад.

Он не мог справляться с ведением хозяйства.

Мать сбежала через месяц, как я уже говорила.

И еще месяц папа это скрывал от меня.

Кое-как ковылял по дому, кое-как что-то готовил.

Об уборке и разговора не было.

А потом слег, сдался и вызвал меня.

И мне пришлось поселиться в его крохотной квартирке, бросив учебу и институтское общежитие.

Сказать, что дом был запущен — ничего не сказать.

Может, кстати, и соседи меня за это ненавидят.

Первое время, когда я только начала разгребать завалы дома, они на меня косились и за спиной называли «вонючкой».

Я сжимала зубы, сталкиваясь с ними на лестничной площадке, отводила глаза, утаскивая мешки с мусором.

— Вонючкина дочь пошла, — шипели соседки. — Засранка. Развели вонь на весь подъезд...

Но я справилась.

Выгребла, вымыла.

Выгнала из дома запах болезни и грязи.

Так что папа ушел в чистоте и уюте, в светлой комнате, на чистом белье.

Хоть и не в идеальном порядке, но все же.

Но эти-то, с тыквой, об этом откуда узнали?!

Сердобольные соседи поведали?

«Поэтому этой осенью приглашаем вас хорошенько заработать! — продолжила я чтение. — В указанном месте вам оставлен костюм для уборки, моющие средства и техника, конечно же. Если вы согласны, то в полночь на повороте у парка вас подхватит наш Ужасно Чистый Экспресс и доставит в дом, который надлежит будет вымыть и вычистить в ближайшее время».

Хорошенькое дело!

Работать по ночам?!

Да еще и неизвестно где?

А вдруг под видом Ужасно Чистого Экспресса меня ждут Ужасно Злые Похитители Людей?!

Ночью похищать очень удобно, особенно у безлюдного парка!

«Но предупреждаем: у вас будут и соперницы!»

А вот это очень интересно! Соперницы в чем?! В полировке толчка?!

«Несколько девушек, так же, как и вы, поборются за наш главный приз — уютный домик в чудесном парке!»

У меня даже сердце остановилось.

Под нелепо прыгающими строками, украшенными многочисленными восклицательными знаками, были напечатаны фотографии.

С видами на парк, на дорожки, на фонарики, разгоняющие полумрак под сосновыми ветвями.

С видом на дом, окруженный старыми разлапистыми елями...

— А-а-а-ы-ы-ы, — простонала я, глядя пальцами разноцветные картинки.

Это, наверное, разыгрывают элитные коттеджи на берегу реки?

Только там я видела похожие дома, красивые, добротные, из дорогого красного кирпича, с высокими окнами и белыми дверями...

Наверное, я в этот момент лишилась разума окончательно.

Перегорела последняя лампочка здравого смысла в моем мозгу.

Только я пришла в себя уже на кухне, лихорадочно нарежая бутерброды и наливая ароматного кофе в термос.

Заработать? Попробовать получить дом?!

Почему б и нет! Что я теряю? Ничего!

Ну, если победить в битве чистоты не удастся, то все равно заработаю, не так ли?

А деньги мне будут очень кстати!

И последнее, что убедило меня в правильности моего решения, была финальная фраза в этом странном рекламном буклете.

«С домашними животными можно!»

Запись 3. Ужасно Чистый Экспресс

Никогда не чувствовала себя debilнее, чем в эту слякотную, холодную осеннюю ночь.

«Указанное место», где я должна была забрать свои вещи для уборки странного дома, оказалось дупло старого дерева в том же старом парке.

Бобка обнаружил большую белую глянцевую картонную коробку и залаял, встав на задние лапки и опершись передними о замшелую кору.

Без него, впотьмах, под накапывающим мелким холодным дождиком, я бы нипочем не справилась.

В коробке лежало красивое черное атласное платье горничной, с белым передником, с кружевной наколкой в волосы.

Туфли тоже были.

Странные деревянные лаковые башмаки.

Но размер, вроде, подходящий.

А вместо моющего и прочего в крепком мешке оказалась... тыква!

— Странное дело, — пробормотала я, рассматривая свой трофей. — Может, на месте ее обменяют на инструменты? Может, тыква что-то типа пароля... квест какой-то? Доказа-

тельство того, что я нашла все в указанном месте, а не купила на рынке?

Бобка уверенно твякнул и уселся на окорока.

Здесь же, в кустах, чертыхаясь и трясясь от холода, я переоделась в платье. Потому что в странном приглашении было сказано, что в таинственный дом я должна была явиться уже при параде.

А октябрьской промозглой ночью при параде в пустом парке ужасно холодно.

— Ну, в крайнем случае сбегу, — бормотала я, трясясь и повязывая фартук. — А может, уже сейчас отказаться от этой бредовой идеи, а? Боб, как думаешь?

Боб отчаянно чихнул и мотнул головой.

Итак, я переоделась.

Затолкала в дуло свою старую одежду.

Переложила бутерброды и термос с кофе в мешок с тыквой.

Накинула на плечи найденную в коробке шаль, взвалила на спину свою тыкво-ношу и неуверенно двинулась к месту встречи с Ужасно Чистым Экспрессом.

В парке завывал ветер, трепля голые ветви деревьев.

Блестел мокрый черный асфальт.

В темноте, под крапывающим дождем, пни и скамейки превращались в монстров и шевелящихся злодеев.

Я испуганно озиралась, и только Бобка уверенно бежал вперед, таща меня на натянутом поводке, сикотя маленьки-

ми лапками и не боясь никого.

Он был рад внеплановой прогулке, хоть и таинственной ночью.

Сначала я думала, что это мои новые деревянные башмаки громко цокают по асфальту.

А подойдя ближе к дороге, поняла, что это не я.

Это Ужасно Чистый Экспресс неся ко мне навстречу.

Ну, как — неся...

С небольшого пригорка, в который поднималась дорога, наполз густой молочно-белый туман.

Такой плотный, что с деревьев закапало, тяжелые капли зашлепали по моим плечам и по голове.

Меня обволокло холодной промозглой сыростью.

Сквозь туман с трудом просвечивали фонари, освещающие парк, и темнота стала серой.

А ко мне, неспешно, буднично и совсем не страшно, подкатила темная крытая повозка, запряженная смирной толстенкой лошадкой!

Это ее подковы цокали по дороге на весь парк!

Тут я совершенно перестала бояться. Если раньше какие-то сомнения и страхи у меня еще были, то теперь они вовсе исчезли.

Похищение меня на толстенкой лошадке?

Не думаю, что это удастся.

Значит, это точно часть квеста, шоу, игра!

Возница, нелепый тип в черном плаще, застегнутом по са-

мые глаза, в островерхой шляпе, склонился ко мне с облучка.

Поднес к моему лицу слабо светящий фонарь, и я увидела вместо лица у него оранжевую переспевшую тыкву.

Аниматор, елки-палки!

— Горничная в Монстрвилль? — хрипло осведомился он.

— Ве... ве... вероятно, — пробормотала я.

— А на тыкву вашу можно взглянуть? — строго спросил он.

Я вместо ответа сунула ему под нос мешок.

— Кажется, подходящая, — хмыкнул он, разглядывая мои вещи. — Собачка с вами?

— Разумеется, — ответила я уже твердо и уверенно.

— Отлично, — он покопался в кармане и вытащил нечто длинное, отпечатанное на желтоватой бумаге. Думаю, билет! — Пожалуйста на борт!

Дверца повозки передо мной распахнулась, и я полезла внутрь.

Тыквенный возница захлопнул за мной дверцу, подхлестнул лошадку, и повозка неспешно двинулась.

Внутри было темновато, потому что освещением были все те же крохотные, слабо светящие фонарики.

И, как мне и было обещано, сидели конкурентки, облаченные, как и я, в наряды горничных.

Всего их было трое.

И мне показалось, что они, в отличие от меня, в деньгах

не нуждались...

— Ты новенькая? — весело спросила одна из девиц, белокурая красотка с метелкой из страусовых перьев. Однако...

— Да, первый раз, — неуверенно ответила я, устраивая Бобку на коленях, а свою тыкву в мешке на полу у ног.

Девушки так и покатались со смеху, разглядывая меня.

— А пылеглот у тебя какой модели? — не унималась блондинка.

Пылеглот?

Это что за штука такая?!

Я внезапно разозлилась.

Сказала же — в первый раз! Откуда мне знать ваш игровой сленг?!

Но ругаться с новыми знакомыми я, конечно, не стала.

Негоже начинать новую жизнь со старых ошибок.

— Ну, тыква, — смиростивилась надо мной блондинка.

— А?! — удивленно уставилась я на нее.

Та насмешливо фыркнула и бесцеремонно ухватила мой мешок. Заглянула туда.

— Тыкводжек-003, — определила она «модель» моей тыквы на глаз. — Ну, ничего особенного. У меня лучше.

И она, довольная, закатила глаза и с улыбкой поправила белокурые локоны, лежащие на ее груди.

— Ты хоть инструкцию-то почитала? — выкрикнула другая девица, живая и бойкая.

Мне она не понравилась.

Видно же, что подпевала.

Не люблю таких.

— Что за инструкция? — спросила я.

Все трое горничных залились веселым смехом.

— Ну, а как пылеглот собирать будешь? — надменно проговорила блондинка. — Понаберут по объявлению...

Третья горничная молча ткнула пальцем в мой «билет».

Который на деле оказался сводом правил и условий.

Что-то типа контракта.

— Даже этого не знает, фу, убож-жество, — голосом уставшей примадонны процедила блондинка. — Ну, теперь ясно, девочки? В этом сезоне победа снова остается за мной! Так и быть, я с вами поделюсь найденными сокровищами.

— Сокровищами? — переспросила я.

Блондинка перевела на меня взгляд своих надменных глаз.

— Ну да, — ответила она. — Из убираемого дома можно вынести все, что угодно. Все, что понравится. Драгоценные камни, золотые монеты. И даже если уборка не окончена, а тебя просят на выход, все найденное остается за тобой. Таковы правила.

— Так можно вынести из дома абсолютно все ценности, — ахнула я.

Блондинка снова смерила меня презрительным взглядом.

— Ты сначала их найди, — фыркнула она, всем своим видом показывая, что это не так просто. И срач все-таки при-

дется разгребать, чтобы отыскать хоть одну монетку.

Ладно, с правилами ясно.

На месте разберусь.

— А убирать-то когда? — спохватилась я и глянула в окошко повозки. — С такой скоростью мы половину ночи проедем. А еще обратно добираться.

Блондинка снова закатила глаза с видом мученицы и покачала головой.

— Ты разве не знаешь? — произнесла она. — Время не имеет значения. Да и скорость тоже. Главное, чтоб ты была готова!

— Готова к чему? — подозрительно спросила я.

— Готова к уборке, разумеется! — хихикнули в один голос девицы.

— К этому я готова всегда! — дерзко ответила я.

В этот момент над крышей повозки громко трахнул гром, раздирая темную ткань неба яркой молнией.

И повозка остановилась так резко, будто перед лошадкой выросла внезапно преграда.

— Вот и приехали, — прокомментировала остановку блондинка. — А ты переживала!

Запись 4. Пылеглот Тыкводжек-003

— Добро пожаловать в Монстрвилль! — торжественно произнес наш возница, когда мы веселой стайкой выпорхнули из его повозки.

Судя по тому, как недолго длилась наша поездка, далеко от парка мы уехать не могли.

И, однако ж, я словно оказалась на другом конце света!

Ветер разогнал молочный жуткий туман, раскидал его седые клочья по кустам.

Высоко в черном небе, в окружении черных перышек облаков, светила огромная полная оранжевая луна.

А передо мной простирался светлый, насквозь просвеченный яркими огнями фонарей, парк.

Сказка, мечта!

Мой личный рай!

В этом парке невозможно было заблудиться, и ничего дурного в нем произойти тоже не могло!

Тут было так невероятно хорошо, что я почувствовала невероятную радость оттого, что не отказалась от странной поездки.

Это того стоило!

Просто побывать в этом парке ночью, подышать свежим

воздухом и почувствовать прикосновение чуда и надежды на лучшее.

Тут словно эльфы пели свои песни при луне.

Да, в этом парке невероятно легко было смотреть в безусловно прекрасное будущее.

Он был весь расчерчен дорожками, выложенными мозаикой.

Дорожки блестели под ногами, как змеиная кожа, испещренная узорами.

Газоны, несмотря на позднюю осень, зеленели яркой густой газонной травой.

Могучие сосны приветливо махали зелеными лапами.

А вдоль узкой улочки, по левую руку, тоже освещенные ночными фонарями, стояли красивые и тихие дома.

— Чур я первая выбираю, первая! — прокричала блондинка и громко рассмеялась, пробежав до дома с белоснежными дверями. — Спорим, здесь монет и камешков больше всего?!

— А почему Монстрвилль? — спросила я, перестав глядеть по сторонам.

— Это же очевидно, — назидательным тоном произнесла блондинка.

— Потому что тут полно монстров! — пуганула меня ее подружка и рассмеялась.

А вторая подружка блондинки подошла ко мне и тихо-тихо, так, чтобы слышала только я, прошептала:

— В первый раз постарайся не перекачивать свой пылеглот. Не то придется мучиться долго, убираться, пока он не сдуется, и времени, чтоб искать сокровища, не останется.

Я нахмурилась.

— Спасибо за совет. Но... Все же я хотела бы убираться на совесть, а не рыскать в поисках монет, — ответила я. — К тому же я хочу выиграть главный приз. А для этого нужно как следует убираться, не так ли?

Блондинка, возящаяся с замком на белых дверях, меня услышала и насмешливо фыркнула.

— Главный приз! Да его не выигрывал никто! — произнесла она. — Впрочем, что тебя учить? У тебя ведь своя голова на плечах! Попытайся!

Ее верная подружка расхохоталась как по команде.

— Нам больше сокровищ достанется! — выкрикнула она и исчезла в следующем доме, громко захлопнув за собой двери.

— А до сколько убираться? — спросила я, глянув на наручные часы.

В этот миг где-то рядом, кажется, на башне одного из домов, громко пробил колокол.

И так двенадцать раз, что было очень и очень странно.

Ведь я точно помнила, что в спешке одевалась, поглядывая на часы, когда до полуночи оставалось всего пара минут. Потом я бежала по парку навстречу Экспрессу. Потом недолго, но все же добиралась сюда...

Время что, встало?!

— Услышишь бой часов — значит, работа закончена, — ответила мне моя доброжелательница. — Выйдешь из дома, сядешь в Экспресс, и он отвезет тебя до того места, где забрал. Удачи!

И она развернулась и пошла вдоль по улице, выбирать себе домик.

Я же уже определилась с выбором.

Дом, тот самый, что был на картинке в пригласительном буклете, был прямо передо мной!

И кованые черные ворота, и молоденькие сосны вокруг ограды, и разлапистые ели во дворе!

И надежные каменные стены, и бывшие рамы высоких и узких, трехметровых, окон на круглой башне, смежной с домом.

И нарядная коричневая черепица на крыше с флюгером...

Мы с Бобкой подошли к воротам, и те сами перед нами распахнулись.

— Ну, удачи нам! — сказала я Бобке.

— Гав! — дерзко ответил он.

И мы уверенно прошли к дверям дома.

Холл был освещен все теми же старинными красивыми, но очень уж тусклыми, слабо светящими фонарями.

М-да, это вам не крохотную квартиру убирать...

Внутри дома, в холле, было темно, очень пыльно, и пахло

котами.

Вон и сами они, мохнатые негодники.

Притаились по углам, сверкают глазами.

Серая полосатая изящная кошка, толстый рыжий котище, трое игривых блескучих черных.

И один толстый черно-белый котенок с сердитой мордой.

Он выкрутился из комка пыльных штор, вращаясь по часовой стрелке.

Посмотрел на нас молочно-голубыми глазами и неспешно вкрутился обратно.

Вращаясь против часовой стрелки.

Интересно...

Бобка отважно гавкнул в темноту, и она ответила ему недобрым ворчанием и фырканьем.

— Боб, неприлично так здороваться с хозяевами! — строго одернула я песика.

И он замолчал, словно понял, о чем я говорю.

На лестницу наверх, заваленную всяким хламом, я старалась не смотреть.

На заколоченные досками двери, ведущие из холла в другие комнаты дома — тоже.

— Ну, приступим?

Для начала нужно собрать пылеглот — пылесос по-нашему.

— Приладьте педали, как показано на картинке, — прочла я в контракте-инструкции.

Пылеглот-тыква там был нарисован чернилами в трех проекциях.

Красивее, чем деталь на уроке черчения.

Сбоку, сверху и сзади, чтоб не было ошибок.

Педали торчали из тела тыквы чуть ближе к переду. И чуть выше от земли.

Ну, серьезно? Собирать нечто из тыквы и игрушечных деталек?

Наверное, тоже часть квеста?

Только почему я не вижу снимающих меня камер? Это же игра, шоу? Значит, должны быть и зрители.

Но где?

Ну, хорошо...

В мешке помимо тыквы я отыскала и крохотные педали, и шланг не толще коктейльной гофрированной трубочки.

— Вставьте трубку в переднюю часть пылеглоота...

Я проделала это, и тыква стала походить на издохшего гуся.

— Накачайте пылеглот, нажимая педаль. Это наполнит его пеной, мыльной водой и напором.

А! Вот оно! Моющий пылесос! Какая полезная штука в уборке!

Я так и покатилась со смеху, представляя, как буду имитировать уборку при помощи тыквы.

Наверное, это какая-то предпраздничная рекламная акция. Что-то сказочное, забавное.

Что там я еще должна с этой тыквой проделать?

Хорошо, кстати, что меня предупредили не перекачивать ее...

Интересно, а зачем две педали-то?

— Вы можете работать с пылеглотом, нажимая на обе педали поочередно, направляя его влево и вправо, приводя его в рабочее состояние, — прочла я. — Наверное, как на велотренажере. Станные у них тут забавы...

Воображение нарисовало мне сцену, где я сижу верхом на тыкве и кручу педали, вопреку от усердия. Как дурочка.

Что ж, не так уж плохо. Может, еще и похудею.

Только непонятно, как долго я должна буду дурачиться с этой тыквой?

И, главное, зачем?

— После уборки отсоедините педали и шланг от тыквы и аккуратно выбросьте тыкву в мусорный контейнер. Старайтесь, чтобы все засосанное оставалось внутри тыквы. Для последующей уборки приобретите другую тыкву.

Что, и из супермаркета тыква подойдет?!

Неторопливо и размеренно нажимая на педаль, я прокручивала в руках желтоватый длинный пергамент, внимательно вчитываясь в строки контракта.

Да, там действительно было написано, что можно вынести из дома любой понравившийся предмет.

Абсолютно все, вплоть до мраморных статуй.

— Карты, бусы, бутылочки разного стекла, разноцветные

камни, — читала я. — Господи, да кому это надо?!

Я хмыкнула и сильнее поднажала на педаль, качая тыкву быстрее, под Бобкин яростный лай.

— Да тише ты, Бобби! Чего разлаялся?

Последние слова я произнесла, нажимая на педаль уже через силу.

Засорилось там, что ли?

Я убрала ногу с педали и обернулась назад, к тыкве.

Етидрит твою через правое плечо дубовым коромыслом!

— Вот тебе и не перекачала... Это что, фокус какой-то?!

Или все взаправду?!

Я готова была упасть в обморок, разглядывая раздутого монстра, в который обратилась моя маленькая тыквушка.

...Наверное, достаточно было и десятка нажатий на педаль.

Я же в задумчивости совершила сотню, не меньше!

Это была огромная, спелая, прямо-таки двухэтажная, с мансардой, круглая тыква. В этой разбухшей тыкве и Золушка могла скакать на бал с комфортом.

И тыква трещала, обещая вот-вот взорваться.

Внутри нее гулко перекачивалась и журчала вода.

Гофрированный шланг тоже вырос.

От напора внутри тыквы он извивался, как толстый питон в джунглях.

Маленькая щеточка на его конце смотрелась крохотным узелком

Бобка заливался лаем, шокированный размерами уборочного аппарата.

Коты по углам шипели и выли потусторонними голосами, вздыбив шерсть и выгнув спины.

— Спокойно! — вскричала я страшным голосом. — А ну, цыц все!

В холле мгновенно все смолкли, с интересом глядя на меня.

— Так, хорошо. Предположим, это какой-то хитрый фокус. Или тыкву мне подменили, когда я отвлеклась. А внутри, под оболочкой, действительно аппарат для уборки. Отлично... Так, так, хорошо, — бормотала я, пытаюсь собрать в кучку мечущиеся мысли. Такой фокус я видела в первый раз в жизни. — Я же хотела не просто симулировать, а убираться, — неуверенным тоном произнесла я. — Значит, мне понадобится много воды и моющего средства!

Не передуть тыкву не получилось.

Значит, будем мыть на совесть!

Отогнав прочь все мысли, от которых очень хотелось потерять сознание, я решительно вскочила на тыкву, как гусар на боевого коня.

Ухватила гофрированную извивающуюся гусино-дохлую шею обеими руками и направив ее от себя, на предметы интерьера.

Ощущение было такое, будто я пытаюсь оседлать слона средней величины и при этом попасть ногами в стремя.

Попасть ногами в стремяна получилось не с первого раза.

Педали я нащупала самыми кончиками своих деревянных ботинок.

Надавила ногами на обе педали разом, и шланг изверг пушистую пенистую шапку моющего средства прямо на пыльный пол.

Хорошо, что это все-таки вода и пена, а не семечки и прочие тыквенные потроха...

Пахло моющее средство, кстати, очень приятно.

Нежным травяным, свежим и чуть сладким натуральным ароматом.

— Давай, миленький! — взмолилась я. — Мой, Тыкводжек-003!

Я направила избивающуюся гофрированную шею в сторону окон.

Толстый котенок вырвался из уютного кокона пыльных штор и с коротким мявом бросился вон, удирая от потока моющего средства.

Пылеглот взвыл, как издыхающий динозавр, и облевал высокое узкое окно густой пеной. И стекла, и рамы, и подоконник.

С окна на пол закапала отменная черная грязь.

Я, сжимая гофрированную трубку обеими руками, пытая, медленно перебирала ногами, нажимая на педали.

Пылеглот трясся и гудел. Внутри огромной тыквы бурлило, ревело и чавкало.

Шторы на окнах потемнели от извергаемой воды, с них лило.

Пышная пена островками выростала на ковре, застилающем холл.

В скором времени залито было абсолютно все.

А тыква здорово уменьшилась в размерах.

Теперь сидеть на ней было комфортно.

И даже управлять ею, кататься из угла в угол, поливая все вокруг.

— А засосать-то обратно все как? — проорала я, обращаясь к Бобу и укрощая беснующегося тыкво-динозавра.

Боб гавкнул и смело ринулся к брошенному на лестнице контракту.

Посмотрел на него и снова гавкнул

Я, разумеется, ничего не поняла, но на всякий случай нажала на обе педали одновременно, как тормозящий коня гусар.

И о, чудо!

Динозавр в последний раз плюнул пеной, загудел иначе, и принялся всасывать ее обратно.

Вместе с пылью, паутиной, грязью, опилками и кошачьим запахом.

Это была победа!

Уверенно подкатила я к окнам и решительно присосала шланг к оконной раме.

Тыкводжек-003 взвыл, щетка приклеилась почти намерт-

во.

Я, пыхтя и сопя, тянула ее со скрипом сверху вниз.

А она, в свою очередь, стягивала с рамы размокшую пыль, паутину, мушиные трупы и прочую грязь, оставляя рамы девственно-чистыми и белыми.

Несколько раз прошла я щеткой по стеклам.

Переминаясь, как кот на подушке, нажимая педали, я окатывала стекло мыльной водой.

А затем с толком, неторопливо, сдирала мутную пленку грязи, водя по стеклу щеткой.

В скором времени стекло закрипело от чистоты и сделалось таким прозрачным, что казалось — его и вовсе в раме нет.

Отлично справился Тыкводжек и с мокрыми шторами.

Он с воем всасывался в темный бархат и выпивал из намокшей ткани всю мыльную воду, оставляя портьеры чуть влажными и намного более чистыми.

Пройдя по три раза каждую портьеру, сверху донизу, я вернула им их первоначальный, благородный бордовый цвет.

Тыква подо мной тряслась, сопела.

При нажатии четыре раза подряд на левую педаль Тыкводжек выбрасывал облако горячего пара.

— О, еще и функция отпаривателя! — умилилась я. — Какая прелесть! Не знаю, чем у блондинки пылеглот лучше, если мой просто огонь!

Горячим паром я прошла по всем углам и щелям, по

плинтусам, изгоняя оттуда всякую нечисть вроде пауков и тараканов.

Деревянные плинтуса тотчас перестали быть уныло-серыми. Они отмылись докрасна — оказались из лакированного красного дерева.

Тыкводжек-003 отлично присасывался к любой поверхности.

Плинтуса? Значит, плинтуса.

Плиточный пол?

Значит, пол.

Ковер?

Значит, ковер!

Пол отмылся хорошо.

Он был выложен крупной белой мраморной плиткой, и мыть его было одно удовольствие.

Он еще и заблестел, когда тыква высосала с него всю пыль и грязь, отпарила швы от плесени, оставив его практически сухим.

Я влезла в каждый уголок, промыла и просушила каждую щелочку, каждый плинтус, каждую плиточку на полу.

А вот ковер так просто не поддавался.

Он лежал посередине холла, огромный и грязный. Я, конечно, пропылесосила его со всех сторон, свернув и снова развернув, но чище от этого он стал ненамного.

Когда-то, вероятно, он был красный, пушистый, с красивыми узорами.

Вещь, безусловно, дорогая и статусная.

Но ужасно запущенная. Создавалось впечатление, что на него опрокинули ведро золы и угля и втоптали все это в ворс.

Кое-как разобравшись с управлением Тыкводжеком, я долго и тщательно пылесосила ковер вдоль и поперек, высасывая из его роскошного ворса мусор и грязь.

Намочила краешек ковра хорошенько, так, что с него полилось.

Нужно было узнать, не потекут ли краски? Не полиняет ли ковер, не покрасит ли пол и все окружающее?

Но он не полинял.

Краски оказались стойкие, ковер — отличного качества.

— Как же можно было так испачкать такую отличную вещь, — пробормотала я.

Затем мне пришлось с тыквы слезть и немного подкачать ее — дело обещало быть долгим, воды и мыла могло не хватить.

— Ковер шерстяной, — деловито определила я, поколупав ворс. — Как бы не попортить его. Горячим паром, значит, нельзя. Как тут регулируется температура воды, интересно?

Пришлось снова вернуться к изучению контракта.

Оказалось, нужно выдернуть педали, поменять их местами и снова подкачать, пока в тыкве не забурлит вода нужной температуры. Чуть больше тридцати, полагаю.

Когда Тыкводжек снова разбух до размеров слоненка, я

опять на него влезла и решительно ухватила шланг в руки.
— А ну, Боб, отойти! — скомандовала я.

И Бобби послушно запрыгнул на лестницу, повыше, поближе к котам, с интересом наблюдающими за моими действиями.

Тыкводжек исторг на ковер водопад пены и прохладной воды, и тут же всосал ее обратно, оставляя кусочек ковра идеально чистым.

Такого алого насыщенного цвета еще поискать!

Педалями регулируя температуру воды, количество пены, я поливала раз за разом ковер и затем высушивала его практически досуха.

Это повторялось снова и снова.

Я каталась по ковру на тыкве.

Тыкводжек-003 с воем всасывал грязь, а ковер становился все чище, все ярче, и все краснее.

И в скором времени я была мокра, как мышь под метлой.

А холл, окна, подоконники, пол и ковер сияли чистотой, надраенные до блеска.

Тыква моя сдулась до обычного размера и еле пофыркивала, когда я ее отключила.

Присела на ступеньку лестницы, переводя дух.

Бобка, решив, что уже можно, спрыгнул с лестницы на распушившийся и вычищенный ковер и сделал по нему несколько кругов, принюхиваясь и оценивая мою уборку на свежесть.

Огромный черный котище, мелко подрагивая хвостом, важно и неторопливо прошел поближе ко мне, уселся и прищурил оранжевые глаза.

— Ну, предположим, пол и ковер ты отмыла, — сказал он вдруг. — А с привидениями на ковре что делать будешь?

Запись 5. Как вывести привидение с ковра

Не помню, как упала в обморок.

Но когда пришла в себя, первое, что я увидела — это физиономии котов, с интересом заглядывающие мне в лицо.

Однако, Наташа, вставай... Мы там все уронили.

Черный котище сидел на прежнем месте и все так же шурил янтарно-оранжевые глаза.

— Нет, серьезно, — насмешливо произнес он. — Ты делаешь уборку тыквой, раздуваешь ее, нажимая на педали, и все еще считаешь, что это какое-то шоу? А не магия, не волшебство и не что-то сверхъестественное?

— А-а-а, — простонала я, потирая влажное лицо ладонями. — Боже мой, куда я попала?.. Я умерла?

Кот насмешлив фыркнул.

— Почему умерла? Вот еще! Ты просто... переместилась. Довольно далеко от дома. Монстрвилль — разве ты не слышала это название?

Я уселась торчком и задним ходом весьма ловко отползла от говорящего котищи на безопасное расстояние.

— Что вам от меня нужно?! — выпалила я.

— Гав! — сказал Боб, становясь рядом и защищая меня.

Котища, однако, его воинственный пыл не напугал.

Может оттого, что сам кот был больше Бобки.

А может, оттого что он рассчитывал весьма ловко удрать в случае чего.

— Странное невнимание, — прошипел кот уничтожающе. — Нам нужно, чтоб ты убралась в доме! Для этого тебя и нанимали.

— Обманщики! — заверещала я. — Мне заплатить обещали!

— Ну и заплатят, — огрызнулся кот, вздыбив шерсть на загривке. — Когда домой повезут, возница выдаст тебе заработанное!

— Был обещан дом в качестве приза! — не унималась я. — Жулье! Мошенники!

— Так вот же он! — мяукнул рассерженно кот. — И, кажется, тебе он нравился! Осталось только выиграть его! Чем же ты теперь недовольна?

— Он в Монстрвилле!

— А никто не обещал, что он будет на детской площадке рядом с твоим... человеииком!

Я обиженно смолкла.

Конечно, такого никто не обещал.

И дом мог оказаться вообще за полярным кругом.

Но все равно это жульничество!

— Ладно, — проворочала я, поднимаясь. — Дом я не получу. В Монстрвилль переехать и не подумаю! Хоть немного денег заработаю...

— И тебе следует пошевелиться, — посоветовал котище.
— Не то скоро проснутся привидения, которых ты освободила.

— Ась?! — встрепелась я испуганно.

— Привидения тараканов, — дружелюбно пояснил кот.
— Вон те, что на ковре нарисованы белым. Чем ты думала, оттирая золу с ковра? Осиновые угли и зола — это первое средство от привидений! А теперь их ничто не сдерживает. Они расползутся по дому, и ничем их не выведешь!

С ужасом рассматривала я ковер.

И те изящные белые узоры на алом ворсе, которыми я так восторгалась, оказались вовсе не узорами, а силуэтами огромного количества громадных тараканов!

И некоторые из них начинали шевелиться....

— Такие мерзкие твари, — задумчиво оповестил меня кот, разглядывая жуткое шевеление белых лапок на красном фоне. — Они, знаешь ли, намного опаснее, чем обычные тараканы.

— Чем это?! — спросила я испуганно.

— Ну, хотя бы тем, что намного больше. Смотри, вон тот размером с твой башмак! А еще они очень прожорливы. Чуть что оставишь на столе — сожрут.

— А если не оставлять? Если убирать еду в холодильник?

— Разорят мусорное ведро.

— Вынести мусор?!

— Сожрут кожаные ботинки. Ремни. Перчатки. Выгрызут

дыру в шубе, — зловеще пообещал кот. — Но главное, — тут его глаза стали до жути похожи на луну, которую накрыла тень затмения, — это то, что они переносят кошмары. Проплазят в сны и гадают там. А если их разведется побольше, то и днем от них спасу не будет. Дома станет жутко. А еще они ужасно кусаются.

— Ай! — воскликнула я.

— Да, да. Смотри, не позволяй им к тебе прикоснуться. Не то не отделаешься. Принесешь домой, и они заполонят все. Превратят твою жизнь в сущий ад!

— Стой-стой-стой, погоди! — заверещала я, отступая от страшно шевелящегося ковра. — Но должен же быть способ, как от них избавиться?

— Если б кто знал! — вздохнул кот. — Как вывести привидение с ковра?

— Зола! — вдруг отчетлив гавкнул Бобка.

— Ч... что?! — у меня волосы зашевелились.

Не каждый день слышишь, как твой питомец начинает говорить!

— Мыть! С золой! — прогавкал Бобка. — Стирать! Поливать! Тыкводжеком!

— А как засыпать золу в Тыкводжек?!

Кот поскреб лапой ухо.

— Срезать верхушку, я полагаю? — задумчиво произнес он.

На каминной полке, порядком повозившись, я нашла ма-

ленькую метелочку и пару старинных ножей.

Один был так совершенно тупой.

Зато вторым я без труда отчекрыжила верхушку тыквы.

Потянув ее за зеленый крепкий стебель, я обнаружила внутри обычную тыквенную мякоть и семечки.

— Семечки придется вычистить, — заметил кот.

Что я и сделала.

Было ужасно страшно, что после разрезания тыква перестанет работать.

Но думать было некогда. Надо было действовать!

Из пасти огромного камина я вымела в совок всю золу, очистив красные кирпичи от сероватого налета.

Даже немного просеяла, отделяя крупные не прогоревшие угли от тонкой сажки.

— Живее давай, — командовал кот. — Там одна тварь почти освободилась. Сейчас вылезет!

А вылезти тараканы не могли лишь потому, что перепутались ногами и усиками.

И вот кто-то один, самый шустрый, выпутался...

Я поскорее засыпала осиновую сажу в тыкву, прищлепнула отрезанную верхушку на место и прищпилила ножом.

— Качай, качай давай! — тревожно закричал кот. — Сейчас эта тварь начнет грызть! И, возможно, тебя! Пылеглохнуть или беги!

Отступать было некуда.

Речь шла о спасении меня лично! Значит, надо было дей-

ствовать.

Тараканище, точнее, дух мертвого таракана, меж тем полетел к потолку и угрожающе зашевелил усами, выбирая, куда б рвануть и где б натворить беды в первую очередь.

Это был гигантский таракан, размером с растоптанный домашний тапок.

У него отчетливо виднелась голова, усы и передние лапы.

Задняя часть его туловища плавно переходила в растрёпанный, рваный призрачный тараканий саван. Если, конечно, тараканов хоронят в саванах.

Жуть, да и только!

Тыкводжек, несмотря на снятый скальп, работал, как часы.

Он послушно накачался и забурился, фыркая мыльной водой.

Но пока я его спешно накачивала, с ковра повзлетали еще тараканы — и мгновенно разбежались по щелям. Пойди, отыщи их там.

— Вот это плохо, — простонал кот. — Очень, очень плохо...

Я же разогрела воду в Тыкводжеке на максимум. Щетка фыркнула облаком пара.

— Ковер испортишь, — заметил кот. — Нельзя горячим. Но я и не думала парить ковер.

Здрав щетку на конце шланга повыше, как дробовик в боевике, я заставила тыкву снова выпустить облако горячего

пара.

Холл быстро наполнился белыми горячими клубами.

И в этом облаке стали хорошо видны удравшие духи дохлых, злобных и опасных тараканов.

Один сидел на лакированных перилах лестницы и пробовал благородное дерево на вкус.

Второй карабкался по шторе.

Третий ползал по люстре.

— Омерзительное зрелище! — выругалась я и направила щетку на ближайшего.

Тыкводжек по моему велению взвыл и с присвистом всосал дух покойного таракана.

Как бы тот ни сопротивлялся и ни цеплялся за перила волосатыми цепкими лапами.

С большим тараканом, с тем, что вскарабкался на люстру, пришлось повоевать.

Я окуривала люстру паром, а таракан скакал с рожка на рожок, угрожающе визжа, разевая хищные жвала.

Жуть.

В его пасть можно было свободно поместить лягушку средней величины. Или небольшой бутерброд.

Но, конечно, ничего такого я делать не стала.

Щетка пылеглоота ухватила его за голову и в один момент сорвала ее с призрачных тараканьих плеч.

Я торжествовала победу!

Но недолго.

Тараканище очень быстро отрастил себе новую призрачную голову и снова испустил скрежещущий вопль, растопырив жвала.

— Ах ты, монстр...

Я сильнее фыркнула на него паром, самым горячим, обдала люстру потоком мыльного кипятка.

Дух таракана тотчас намок и отяжелел.

Его лапы из призрачных превратились в обычные, рыжие и волосатые.

Ими он отчаянно цеплялся за хрустальные подвески.

Но я безжалостно плеснула в него кипятком еще раз.

А щетка всосала его тараканий саван, и Тыкводжек втянул призрак таракана в свои недра.

— Ну, надо же, — проворчал удивленный кот. — Получилось!

В следующие полчаса я яростно боролась с тараканами, поливая ковер водой с осиновой золой, и засасывая Тыкводжеком очумевших призраков тараканов, как шелуху от семечек.

Изредка кому-то из этих неприятных покойников удавалось освободиться, выпутаться из ворса ковра и дерануть со всей своей привиденческой силы прочь.

Но таковых ждало парализующее облако пара в спину и грозное гудение щетки.

— Три тщательнее, — командовал котище. — Вон там,

в отмытом месте, еще один притаился. Сильнее! Мощнее! Беспощаднее!!!

Я послушно проходила по указанному месту еще разок, и там обязательно обнаруживался таракан.

Щетка всасывала его, а он с писком цеплялся лапами за ковер.

Но тщетно.

И примерно через полчаса с привидениями было покончено.

А доблестный Тыкводжек сдулся до своих обычных размеров.

— Уф, — произнесла я, стирая со лба пот. — Кончено...

— Еще нет, — ответил зловредный кот.

— Как нет?!

— Теперь Тыкводжек надо утилизировать, — ответил кот.

— В дом его желательно не заносить. Мало ли... А на помойку выкинуть придется.

Верного боевого Тыкводжека было жаль, но, видимо, такова его судьба.

От усилий и усталости у меня в животе забурчало.

И я тут же, на ступенях лестницы, устроилась перекусить.

Достала из пакета бутерброды, налила себе горячего кофе из термоса.

— А что это у тебя такое? — заинтересовался кот сладеньким голоском, распушив хвост и подступая ко мне на мягких тихих лапах.

— Бутерброд, — ответила я, посмеиваясь.

— С чем? — жадно спросил кот, принюхиваясь.

— С колбасой.

— А колбаса хорошая? — усомнился кот. — Вдруг не очень? Отравишься... А тебе еще неделю дом отмывать.

Я так и поперхнулась.

— Неделю?! — вскричала я, выкашляв то, что попало мне не в то горло.

— Ну да, — беспечно и доброжелательно подтвердил кот.

— Ты же не думала, что сможешь убраться тут за один день? За одну ночь, точнее. Дом-то двухэтажный. А ночь почти на исходе.

— Ну, дела... Это во что же я ввязалась?!

— А надо было внимательнее читать контракт, — подзудел язвительный кот, подкрадываясь к колбасе.

Я и глазом не успела моргнуть, как он стащил с куска хлеба один кружочек полукопченой и рванул по лестнице наверх, по-бандитски прижав уши.

Зато в полумраке загорелись зеленые огоньки глаз.

Коты шли в атаку, громко и сладенько мурча и завивая хвосты причудливыми фигурами.

Я вздохнула, оставила в сторону дымящийся кофе и принялась делить колбасу на всех.

По-братски.

В следующие полчаса мы сидели на ступеньках, наслаждаясь ночной трапезой.

Никогда не ела бутербродов вкуснее, и не пила кофе ароматнее, чем в эту ночь!

Кофе, казалось, растворял и уносил прочь все мои беды, тревоги...

Я даже перестала думать о грядущей стычке с соседом, словно он был не огромным и злым мужиком, а сопливым мальчишкой.

— Сегодня чудесная ночь, — промурчал вороватый кот за моей спиной. — И аромат кофе просто волшебный. Волшебный...

За высокими окнами катилась по ночному небу сонная оранжевая луна в туманной дымке.

Приветливо шумели лапами сосны и ели.

Коты ели с урчанием и завыванием.

Даже куски хлеба, пропахшие колбасой. Видно, наголодались.

Толстый котенок ловко подлез под мать, нашел титьку и принялся насысывать ее, от удовольствия мясая лапками мамкин мех.

— Сиськасос, — строго сказала я ему. — Такой большой, а все мамку сосешь! Пора самому есть! Держи кусок колбасы!

Он насмешливо покосился на меня молочно-голубыми глазами и продолжил свое дело.

Бобка ел мои бутерброды вместе со всеми.

И с котами сосуществовал весьма мирно, чем меня очень

удивил. Обычно он к котам не так ласков.

В скором времени раздался бой часов на башне. Несмотря на закрытые окна, он был слышен очень отчетливо. Значит, пора домой.

Я собрала в пакет остатки бутербродов, опустевший термос и наполненного Тыкводжека, которого надлежало выкинуть.

— Ну, Бобка, идем, — устало произнесла я. — Наша смена закончена.

— Всего доброго! — мяукнул черный бессовестный кошке, облизываясь за моей спиной. — До новых встреч!

Он слопал больше всех колбасы и был непередаваемо доволен.

У дверей дома, на улице, меня поджидал возница.

Я даже вздрогнула, когда открыла дверь и его увидела.

В свете луны он показался мне призрачным и зловещим.

И я сразу разглядела то, чего старалась не замечать ранее.

Одет он был в старинный, порядком ношенный и потертый плащ.

Поверх него на грудь была выпущена кружевная манишка, старая, посеревшая от пыли дорог, и рваная.

Голова возницы отсутствовала.

Вместо нее на плечах лежала тыква, которая то и дело съезжала, и возница ее поправлял.

А руки в черных грубых перчатках побрякивали сухими старыми косточками...

— Отмыт холл, — проскрипел возница, пустыми провалами глаз разглядывая пространство за моей спиной. Его вырезанный на тыкве рот при разговоре странно изгибался, как настоящие губы.

Выглядело это жутковато!

— Хорошая работа, — похвалил он меня и полез в карман. — Держи свое вознаграждение!

Я подставила ладони, и из костяных пальцев в них упали три увядших коричневых листка.

— Вы очень щедры, спасибо, — произнесла я, шокированная, рассматривая свою зарплату.

Да, спасибо, так спасибо.

Всю ночь пластаться, чтоб получить это?!

С тем же успехом я могла б и у фикуса листья обломать.

У фикуса даже лучше. Листья больше. И свежее.

— Спрячь, — страшны свистящим простуженным голосом посоветовал возница. — Не то потеряешь!

Я послушно кинула листья в пакет и последовала за ним к Экспрессу.

Ну, что сказать?

Все горничные, убиравшиеся нынче в Монстрвилле, были недовольны и унылы.

Стоило нам сесть в повозку и закрыть за собой дверь, как блондинка тотчас разразилась ругательствами.

— Черт знает что! — прокричала она, яростно терзая свою красивую метелку для уборки пыли. Та заметно по-

тускнела, посерела и растеряла часть своих перьев. Видимо, блондинке пришлось потрудиться намного больше, чем она рассчитывала... — Ничего не нашла! Ни камешка!

Две ее подруги уныло поддакнули ей.

И все трое с подозрением уставились на меня.

Да так хищно и опасно, что я невольно прижала Бобку к груди.

— А ты случайно не перекачала Тыкводжека? — страшным голосом произнесла блондинка.

Она оттянула край моего пакета и заглянула туда, где лежала моя верная маленькая тыковка.

На мгновение мне показалось, что у девчонки физиономия страшная и злая, как у горгульи.

И глаза горят алыми огнями!

Но Тыкводжек-003 выглядел совершенно невинным и крохотным, и блондинка лишь сердито фыркнула, оставив мою тыкву в покое.

— Не-ет, — проблеяла я и отчаянно затрясла головой. — Не перекачала, что ты!

— Я ее предупреждала, чтоб она этого не делала, — вклинилась девчонка, моя доброжелательница.

— И ты ведь этого не делала, не так ли?

Не знаю, как связан мой раздутый Тыкводжек и отсутствие кладов в других домах, но, верно, как-то связан.

Так что я предпочла отнекиваться до последнего, чтоб эти гарпии меня не сожрали!

— Конечно, нет! — соврала я.

И густо покраснела.

Врать, даже гарпиям, было неприятно.

— Я всего-то успела вымыть окошко, — наивно выкручивалась я.

— А заплатили тебе сколько? — продолжила свой допрос въедливая блондинка.

— Три л... — чуть было не призналась я. Но тут же заметила, что блондинка нервно перекачивает из ладони в ладонь мелкие белые камешки. Горстку. И я тотчас ответила: — Три камешка.

Может, отличия листьев от камешков и невелики, если смотреть взглядом банковского работника.

Но что-то мне говорило, что эти гарпии наваляют мне и за полученные листики.

Сами-то они побрякивали в карманах мелкой галькой...

— Хм, хм, — блондинка моим ответом осталась довольна. И продолжила нервно перекачивать камешки. — Неужто попался бедный квартал?! А по виду и не скажешь... А ты нашла драгоценности? — снова обратилась она ко мне.

Я отчаянно затрясла головой.

— Что за драгоценности можно было найти? — спросила я.

— Разные, — неопределенно дернула она плечом. — Там... камни. Или золото.

— Ничего не нашла, — убито сообщила я. — Да я и не

думала, что что-то можно найти...

— Плохо, плохо! — простонала блондинка. — Если завтра повторится то же самое, то придется по-настоящему убираться, чтобы хоть что-то заработать!

— Ищи дураков, — небрежно отозвалась ее подружка. — Если завтра не найду ни камешка, то и не подумаю продолжать.

— А что, так можно? — удивилась я.

Все три девицы насмешливо фыркнули в один голос.

— Так нужно, — отрезала блондинка решительно. — Ты что, действительно хочешь неделю разгребать все эти завалы за сущие гроши?

— Дураков нет, — снова повторила одна девица.

— Но главный приз... — заикнулась было я.

— Убрать целый дом? Да это невероятно трудно, — фыркнула третья девица.

Блондинка сникла.

А я поняла, что эти девчонки вместо уборки просто рыскали по дому, копались в книгах, попутно смахивая пыль, и всего лишь искали спрятанные ценности.

Домой мы с Бобкой попали затемно.

В парке, где я захватила свою оставленную одежду, было темно, хоть глаз выколи.

Не знаю, сколько было времени, но в доме не горело ни одно окно. То ли глухая ночь, то ли очень раннее утро.

А я была уставшая настолько, что еле ноги волочила.

У дверей, пока я возилась с ключами, Бобка вдруг завоновался и внезапно отчетливо гавкнул:

— Нельзя! Это! Домой!

— Точно, — я звонко хлопнула себя по лбу. — Надо было в мусорку выбросить...

Но возвращаться обратно, в холод и мрак, мне не хотелось.

— Оставим это под дверью, на коврик? — отчаянно зевая, малодушно предложила я. — А утром выкинем...

Квартира моя была в небольшом закутке, так что никому, кроме меня, эта тыква не помешает.

Так что я решительно опустила пакет на коврик и принялась вытаскивать из него термос.

Термос отыскала.

А вместе с ним и три ярко-красных бумажки!

Пятитысячные!

— Вот это да! — вскрикнула я и испуганно зажала рот руками. Голос мой эхом прокатился по тихому подъезду.

— Откуда это?!

— Плата! — гавкнул Бобка уверенно. — Листья!

Листья превратились в купюры?

А что, вполне может быть. После Тыкводжека вообще все может быть.

Однако, даже на то, чтоб полноценно поудивляться, сил у меня тоже не было.

Я поспешно собрала вещи, аккуратно поместила тыкву в уголочек, где она уж точно никому не помешала, и поспешила домой, отдыхать.

То ли я наработалась до упаду.

То ли кофе, который я пила в холле странного, неубранного дома и правда был волшебный и унес с собой все тревоги и печали.

Да только уснула я, едва добравшись до кровати, как убитая.

И Бобка вместе со мной, развалившись кверху брюхом на моей подушке.

Так что утром, когда явился сосед с целью меня поколотить и отомстить за свою дочурку, мы его стука не услышали.

Хотя ломился он дай бог.

Пинал ногами двери и орал угрозы.

— Сволочь поганая! — вопил он, долбя ногой в ни в чем не повинную дверь. — Затаилась, крыса! Стерва тощая! Избила ребенка, и в кусты? Ты за это ответишь! Вылезай давай, я знаю — ты дома!

Но за дверями было тихо, даже собака не лаяла.

И сосед, не найдя удовлетворения в рукоприкладстве, что есть силы наподдал ногой по стоящему у дверей пакету.

В пакете была тыква — это он хорошо разглядел.

Красивая, оранжевая, блестящая, спелая. Со срезанной верхушкой и wybranymi семечками. Очищенная, значит.

Наверняка чей-то осенний подарок.

Лишить меня этого незатейливого подарка — эта мысль соседу очень понравилась.

И он несколько раз с остервенением топнул по тыкве, разбивая ее на куски.

Тыква была, видимо, очень переспелая.

Потому что лопнула с первого же удара на несколько мелких частей.

От второго удара сосед неловко поскользнулся на оранжевой мякоти и чуть не упал.

Из тыквы вдруг брызнула странно грязная, как будто с золой, вода, и на ботинке разъяренного мстителя повисли какие-то белые нити.

Видно, тыквенные внутренности. Жилки.

— Вот дерьмо, — выругался мститель, неловко задирая испачканную ногу и пытаясь стрясти с нее остатки тыквы.

Остатки после встряски как будто бы пропали.

Но эти же самые тонкие белые нити появились на штанине, выше колена...

Мститель подумал, что разбрызгал на себя внутренности тыквы и, чертыхаясь, стряхнул их ладонью.

Странные нити исчезли.

Зато как-то сильно и внезапно засвербело в затылке, словно огромный комар укусил.

— Да чтоб!.. — сосед хлопнул себя по загривку что есть силы, яростно почесался, воровато оглянулся — не видел ли кто его вандализма? — и поспешил скорее прочь от чужих

дверей, оставляя на коврике куски разбитого им овоща.

Но пролежали они там недолго.

Как только сосед поднялся по лестнице этажом выше, и разбитая тыква, и пакет испарились, словно привидения под лучами солнца...

Запись 6. Очень грязная история

Разбудили меня вопли все тех же соседей, только уже ближе к обеду.

И на сей раз орали они не на меня, а друг на друга. И даже пытались подраться.

Ссора темпераментных супругов происходила на стоянке, прямо под окнами.

В выражениях они не стеснялись.

— Кобелина драный! — орала соседка, рыдая, нервно почесываясь и размахивая сумочкой. — Похотливый потаскун!

Она пыталась перекинуть ее на ремешке через капот их машины и треснуть супруга по голове.

Но у нее не выходило.

Молчаливый и хмурый сосед усаживался на водительское сидение и огрызался сквозь сжатые зубы.

Оба они — и жена, и муж, — были покрыты какой-то странной красной сыпью, отчетливо видной даже мне, из окна квартиры со второго этажа.

У нее красными пятнами горели коленки под капроновыми колготками, и чуть выше. Пятна покрывали соседкины ноги, все больше концентрировались и таинственно исчезали алым расчесанным полем под юбкой.

У мужа были распухшие и красные лодыжки. Без носков. Он яростно их поскреб, прежде чем усестись в машину.

Словно их искушали клопы.

Только откуда клопы у нас в доме?!

Притом в таком количестве, чтоб сожрать эту сладкую парочку почти целиком?!

— Знаю я эти твои ночные смены! — меж тем не унималась соседка. — Принес домой заразу!

И она снова долбанула сумочкой по капоту машины, стараясь уязвить супруга.

А, вот так уже яснее.

Видимо, они оба чем-то заболели.

И соседка винит мужа в этом.

— Скунс!

Она изо всех сил почесала колени, чуть не плача.

Порывалась почесать и выше, между ляжек.

Приседала, прячась от любопытных взглядов, и принималась яростно, с наслаждением, себя драть ногтями.

Но, видимо, облегчения это не приносило.

Сосед же мужественно терпел.

Но, видимо, зуд был настолько невыносим, что он нет-нет, да срывался.

И драл свои ноги с особым остервенением.

— Да чего ты орешь, — огрызнулся он. — Это аллергия!

— Аллергия только на заднице? — соседка яростно и язвительно расхохоталась. — У обоих?! Это ты наблудил! Ты заразился! И меня заразил! Чесоточный потаскун!

Следом за ругающимися родителями во двор уныло вы-

ползла их дочь.

Злосчастную склеенную суперклеем прядь — а она была огромная, на половину лба, — видимо, пришлось остричь, и девчонка склоняла голову как можно ниже, глубже надвинув на лоб кепку.

Но злопыхатели-мальчишки, завидев ее, разразились свистом и улюлюканьем.

— Плешивая! — орали они в совершеннейшем восторге.
— Плешивая-а-а! Тебя мошь побила?! Стригущий лишай?!
Заразная, фу!

Видимо, креативную стрижку девчонки они раньше уже видели.

И эта стрижка давала богатую почву для злых острот.

Соседка разразилась на них лающей руганью, и мальчишки с хохотом удрали.

Девчонка заныла.

Не заплакала, не заревела — заныла, сквасив мордашку и некрасиво распялив мокрый рот.

Мне даже жалко ее стало.

Запыхавшаяся, издерганная, покрытая волдырями взопревшая мать только всплеснула руками.

— Господи-и-и, — проскулила она со слезой в голосе. —
За что нам это?!

— Ну, как тебе сказать, — философски пробормотала я, наблюдая, как горе-семейство усаживается в автомобиль и поспешно укатывает прочь.

Наверное, в больничку. Лечить свои прыщи.

— Прогневили вы Вселенную, видимо.

Им было совершенно не до меня.

Они даже забыли о том, что меня надо наказать за то, что я отдубасила их дочь.

И не смотрели в сторону моих окон, занятые своей внешне нахлынувшей болезнью.

Какое облегчение!

— Интересно, кто их погрыз?! Надеюсь, не клопы?! Не хотелось бы, чтоб эти насекомые распространились по дому...

Кто погрыз соседей, мне стало ясно, когда я в супермаркете расплачивалась за тыкву.

И нет, я не собиралась снова в Монстрвилль, хоть и зарабатывала хорошо.

Рассудив здраво, я решила, что мне тоже можно слиться с этих странных соревнований.

Все-таки, моя психика здорово пострадала от столкновения с... Монстрвиллем.

Я подумала — мне достаточно чудес и волшебства. И ничто не заставит меня вернуться туда!

Но Монстрвилль и не думал меня отпускать.

Ближе к вечеру в дверь снова кто-то тихонько, подленько, но очень опасно и остро заскребся.

Я подумала — это оплешивевшая девчонка доделывает свою вчерашнюю гадость.

С воплем рванула я к дверям, распахнула их, и...

Ничего.

И никого.

Подъезд темен и пуст.

При моем появлении зажегся свет, а на пол веером снова посыпались рекламные буклеты.

И буклеты о Монстрвилле — в том числе.

— Нет, нет, нет, нет! — застонала я.

Я не хотела его читать, честно!

Но руки сами потянулись, потому что на первой странице был изображен огромный розовый бриллиант невероятной красоты!

— «Прекрасная уборка, дорогие участницы! — прочла я.

— Впервые за много лет убрано так много и так тщательно! И потому, чтобы поддержать участницу, которая особенно старалась, мы решили к главному призу — дому, — добавить этот прекрасный бриллиант, «Сердце принца». Та, что так блестяще убралась, отыщет этот камень. Даже если не выиграет дом! Когда? А вот это нам предстоит узнать!»

— Бриллиант!

Розовый камень на картинке возлежал на головах трех кошек, сидящих хвост к хвосту.

Маленькая такая статуэтка.

Три черных египетских кошки в золотых украшениях.

И на них прекрасный розовый камень...

— Зар-раза, — выдохнула я. — Сколько ж он может сто-

ить?!

Камень выглядел огромным.

Ну, почти с кулак величиной.

— Я не только ремонт могу сделать, если его найду, — лихорадочно соображала я. — Но и вообще новый дом купить!

На глаза мне еще пара буклетов попалась, прямиком из Монстрвилля.

«Ювелирная лавка братьев Справут! — гласил один из них. — Самые честные ювелирные услуги! Оценка, распил, продажа и покупка! Огранка и оправа!»

«Лавка нужных вещей! — гласил второй. — Новейшие Тыкводжеки и мощные метлы с турбонаддувом! Пена с персиковым ароматом — здесь!»

Я в отчаянии опустила руки.

— И вовсе не обязательно, — дрожащим голосом проговорила я, — что бриллиант обнаружится в моем доме! И вовсе не обязательно, что именно я та самая, которая убралась лучше всех!

Ну, действительно. Может, это блондинка расстаралась? Она же выигрывала какие-то призы. Сама признавалась. Значит, профи в этом деле.

Но снова дееспособно соображать я смогла лишь на кассе в супермаркете.

Когда в отчаянии и надежде оплачивала огромную смелую тыквищу килограмм на пятнадцать весом...

Я вспомнила, что старую, набитую битком призраками та-

раканов, оставила у дверей. Но ни ее, ни пакета из-под нее не обнаружила.

Значит, кто-то ее умыкнул.

И, вероятнее всего, злобный сосед.

И зуд его — котище же предупреждал, что призраки тараканов сильно кусаются!

Выходит, этот недалекий товарищ сам, своими руками, принес домой чудовищных призраков, которые теперь ему житья не дадут?!

— Ну, дела-а-а, — протянула я испуганно.

А что, если тараканы расползутся по всему дому?!

И ко мне заползут?!

Соседа мне жаль не было. Пусть бы его тараканы грызли сильнее, раз он такой дурак! Кто ему разрешил брать чужие вещи, пусть даже и копеечную тыкву?!

За свой поступок он вполне заслуживал хорошего тараканьего угрызения.

Но вот то, что эти твари могли расплодиться — вот это по-настоящему пугало.

— Ой-ой-ой, — прошептала я в ужасе. — Теперь-то мне точно надо в Монстрвилль! Узнать, как вывести этих тараканов!

В карете Очень Чистого Экспресса мои вчерашние коллеги уставились на меня и на мою огромную тыкву с ненавистью и с подозрением.

— Новый Тыкводжек?! — вскричала блондинка язвительно. Словно уличала меня в чем-то нехорошем. — Зачем это?! А старого куда дела?!

Она все еще дулась из-за того, что ей вчера не удалось найти никаких сокровищ.

И подозревала в своей неудаче меня. Поэтому и хотела уличить меня... в хорошей уборке.

И, вероятно, поколотить.

К таким допросам я была отчасти готова.

Уже немного понимала, что из себя представляют мои нечаянные товарки.

У них самих-то пылеглофы были вчерашние.

Девушки их почти не использовали, видимо.

Да и привидения тараканов в них не засасывали. Значит, и избавляться от пылеглофов нужды не было.

— Сосед утащил моего Тыкводжека, — уныло ответила я. — Пришлось в магазине взять новый.

— Украл? — недоверчиво переспросила блондинка.

В похищение пылесосащей тыквы она не верила.

Пришлось выкручиваться.

Я уныло кивнула.

— Забыла его на коврик, у входной двери, — пояснила я. — Утром вышла, а его уже нет! Даже подумать не могла, что он кому-то мог понадобиться...

Тащить новый Тыкводжек было ужасно тяжело.

В нем весу было почти пуд.

Да еще термос с бутербродами.

Да Бобка на поводке.

Еще и Экспресс пришлось нагонять почти бегом, потому что я провозилась с этой треклятой тыквой и чуток опоздала.

Я была измучена, запыхалась, пакет больно врезался в мои пальцы.

Так что роль несчастной неудачницы-растяпы мне удалась на ура.

— Разбил! — вдруг гавкнул Бобка отчетливо. — Ногой! Я слышал!

Видимо, животные относились к существам, которые врать не умеют.

Потому что Бобке блондинка тотчас поверила. Перестала дуться. И ее язвительный гнев сменился удивлением.

— Зачем? — поразила ее она.

— А-а-а, — протянула я понимающе. И изо всех сил сделала вид, что все в порядке, хотя по моей спине табун мурашек промчался. — Разбил сосед... Так мы с ним не в ладах. Он все пытается обидеть меня. Вот, значит, напакостил. Мне и пришлось покупать новый Тыкводжек.

Сосед под моей дверью выпустил на волю тараканов!

От ужаса хотелось выть.

Мне казалось, что эти дохлые твари так и сидят вокруг моей квартиры, перемигиваясь и хихикая.

И кто знает, скольким из них посчастливилось проскользнуть в мой дом!

— Вот же козел, — совершенно искренне ругнулась одна из девиц.

— Такие траты из-за него, — посочувствовала мне другая. — Тыкводжека покупать на свои деньги пришлось! А могла б до конца уборки казенным пользоваться!

Блондинка меж тем бесцеремонно ухватила мой огромный мешок и заглянула в него.

От увиденного ее лицо просто позеленело.

— Тыкводжек 050?! — вскричала она. — Не жирно ли?! На какие шиши ты его купила?! Поскромнее не могла взять?!

Сразу стало ясно, почему она злится.

Видимо, эта модель пылеглоота обязательно будет убирать лучше.

И ей, блондинке, придется здорово постараться, чтоб обойти меня в уборке и найти хоть одну крошечную монетку в награду за свои труды.

— Пришлось потратиться. Последние деньги отдала! Были только такие, — развела я руками, все еще притворяясь глупой неудачницей. — Ну, и еще больше. Но тыкву побольше весом я уже не подниму. Так что пришлось взять этот.

Блондинка брезгливо оттолкнула мой мешок, словно он был грязным.

И уселась, вжавшись в сидение, недоверчиво и зло глядя на меня.

— Да, дорого тебе встанет эта уборка, если сосед будет

портить твои инструменты, — сквозь зубы процедила она.

В глазах ее я явственно читала, что она не верит мне ни на грош.

А еще она мне яростно завидовала.

Потому что сейчас она не произнесла ни звука насчет качества моего Тыкводжека.

Значит, ее Тыкводжек моему уступал, и сильно...

И сокровищ ей не видать, как своих ушей.

Впрочем, скорее всего она успокаивала себя тем, что новой моделью пылеглота я пользоваться не смогу.

А значит, много и не наубираю.

— Так потратиться из-за него! Я бы этому козлу тоже гадость устроила, — подхватила другая девушка. — За разбитого Тыкводжека я б поквиталась! Принесла бы из Монстрвилля и подбросила ему какую-нибудь тварь попротивнее!

— К...какую еще тварь? — пролепетала я испуганно.

Спасибо за совет, но я уже.

И тварей я принесла достаточно много!

— Да хоть бы летучую мышь, — хмыкнула девушка. — Или помидорных слизней. А может, крысу подвальную! Или вот дохлого таракана. Их тут тьма, в этих старых домах.

— Дохлого таракана? — наострила уши я. — Что за тварь такая загадочная? Он-то чем может насолить соседу, раз дохлый?

— Искушает его! — хищно выкрикнула блондинка.

— Испортит все вещи! — злорадно подхватила ее по-

дружка.

— Нагадит по углам! — заключила третья. — Это же не простодохлый таракан, это призрак. Мерзкая тварь!

— Один таракан такое может сделать? — притворно ужаснулась я.

— Да он кого хочешь со свету сживет, грязнолапый, — хихикнула советчица. — Через неделю твой сосед волком взвояет, если вообще из дома не сбежит. Ну что, раздобыть тебе такого? Я могу. За отдельную плату. Принесу в клетке.

— Не-не-не, — закрутила я головой. — Денег нет. Да и если он ко мне приползет?!

— Не приползет, — усмехнулась блондинка.

— Если не коснешься его, не приползет. Он кусает только того, кто потрогает его, или освободит из ловушки, — встала вторая. — И станет его хозяином. Ну, и всех обитателей его дома. Семью, котов, собак.

— Даже крыс и попугаев! — в восторге выкрикнула блондинка.

— И за порог дома нового хозяина таракан вылезти не может, — заключила третья, страшно ухмыляясь и зловеще сверкая глазами. — Связан с хозяином навеки! Подбросишь клетку под двери этому соседу, он на нее наступит — крак! — разломает, и готово. Таракан его искушает тотчас.

— Ужас какой! — вполне искренне ужаснулась я. — А избавиться от него как?!

— Это уж твой сосед пусть голову ломает, как избавиться

от напасти, — небрежно ответила блондинка. — Его заботы.
Я тайком перевела дух.

Ну, хоть ко мне эта нечисть не переберется...

И только на месте я поняла, почему блондинка мне не вырвала волосы тотчас же, как только увидела моего нового Тыкводжека.

Холл после вчерашней уборки был какой-то торжественный и тихий.

Пол блестел в ночном свете.

Ковер почти просох и приятно пах травой. В общем, вид у убранного пространства был презентабельный.

— Ну, куда дальше? — пробормотала я, с облегчением сбросив со спины мешок с тыквой.

— Я бы посоветовал убраться на кухне, — черный котиче бесшумно вышел из полумрака, доброжелательно щуря глазки. — Там печь, там тепло и пахнет приятно... Однако, здравствуйте.

Бобка гавкнул ему в ответ.

— Там можно варить какао, — продолжил меня соблазнять кот, вертясь под ногами, выгибая спину и ласкаясь. — И не таскать за собой мешок с едой...

— Так может, стоит продолжить убираться в комнатах на втором этаже? — усомнилась я. — Вот хотя б начать с лестницы...

— Лестница сломанная, — ответил хитрый кот. — Ей сна-

чала ступени чинить надо. А кухня вот она, рядом. Она совсем небольшая, — продолжил соблазнять меня он, старясь своей большой меховой головой прободать мне ногу. — Ма-а-аленькая!

— Кухня, так кухня, — вздохнув, согласилась я.

Двери на кухню были заколочены, и я мужественно отломала доски, чтоб попасть туда. А там!..

Нет, кот не соврал, кухня была маленькой.

Но она была грязная вся.

Вы видели, как взрывается таракановая бомба?

Кажется, тут они все и померли разом, как динозавры от удара метеорита...

Коричневыми неряшливыми сушеными ошметками насекомых было заляпано все, равномерно и толстым слоем, до самого потолка. Не было видно ни окон, ни цвета мебели. Только тараканьи останки.

И потолок тоже топорщился тараканьими коричневыми крыльями.

— Фу! — только и смогла сказать я.

— Но ведь комнатка и правда совсем маленькая, — мурлыкал хитрый кот. — Тут дел на полчаса.

Полчаса?!

Я нерешительно поколупала стену пальчиком.

— Нет, полчаса тут ничего не решит...

Если честно, то мне в этой тараканьей усыпальнице не особо хотелось возиться.

Можно не сегодня? Можно я потом как-нибудь уберусь тут?!

— Но у тебя же новый пылеглод! — не унимался кот. — Этому пылеглоду все нипочем! Ты даже и не заметишь, как он высосет всю грязь! Да что грязь — он душу из тела может высосать! Он намного, намного лучше твоего старого пылеглода! А со старым ты вон как ловко отмыла холл!

— В самом деле, чего это я, — пробормотала я пристыженно. — Ну, приступим!

И только выкатив тыкву из пакета, я с ужасом поняла — вместе со старым Тыкводжеком пропали и педали, и шланг!

— Ой-ой-ой, — простонала я в отчаянии, стоя над бесполезной тыквой, как памятник. — Что же делать?!

Вот почему блондинка меня не порвала в клочья!

Она думала, что я схитрила.

Купила пылеглод получше, чтоб выиграть главный приз, но без педальей-то я не смогу им пользоваться!

Бобка бегал вокруг тыквы кругами, обнюхивал и даже попытался погрызть ее. Но и эти меры не смогли тыкву оживить...

— В чем дело? — насторожился кот, глядя, как я нерешительно пытаюсь смести с рыжего тараканьего пола тараканьи трупы обычной метлой.

Метла стояла в углу, старая, жесткая, сухая и корявая.

И подметала она хуже некуда. Только пол царапала.

— Почему ты не включишь Тыкводжек?

— Я потеряла педали, — прошептала я ставленным голо-
сом, глотая слезы и роняя метлу из обессилевших рук.

Это была катастрофа!

Без верного помощника я, конечно, ничего не приберу.

И дом не выиграю.

И бриллиант не найду, и ничего не заработаю. Ни листоч-
ка, ни камешка!

И тыкву я купила зря, дура!

Я отбросила метлу, уселась прям на загаженный пол,
уткнулась лицом в колени и разрыдалась.

Несчастливая и глупая неудачница!

Кот некоторое время сидел молча, глядя на меня огром-
ными янтарными глазищами.

— И это все? — осторожно спросил он, наконец. — Это-
то и вся проблема?

— А этого мало? — хлюпнула носом я.

— Но... педали можно купить, — с недоумением ответил
кот. — Не понимаю, чего ты плачешь.

— Купить, — передразнила я его.

— Ну, тыкву-то ты купила, — заметил кот.

— Тыквы у нас продаются, — ответила я. — А педали к
Тыкводжекам — нет!

— Но они продаются в Монстрвилле! — ответил кот.

— Но у меня нет денег, которые принимают в Монстрвил-
ле, — вздохнула я, отирая слезы.

Кот молча смотрел на меня.

— Ну-у-у, — протянул он задумчиво, — деньги-то как раз не проблема...

— Да? — искренне удивилась я. — А что тогда проблема?

— Перейти через парк, через дорогу и найти лавку, — ответил кот. — И вернуться обратно. Найти в темноте обратную дорогу особенно сложно... к тому же, начинается снег...

— Я! Могу! — гавкнул вдруг Бобка. — Искать! Моя работа!

— Действительно, шерстяной, — обрадовался кот. — Ты-то унюхаешь! Тогда и переживать незачем!

Он поднялся, взмахнул хвостом, и направился в угол.

Там он долго и упорно скреб лапами, пока об плитки пола не зазвенело что-то металлическое.

— Ну, собственно, вот, — сказал кот, прекратив копать.

Я подбежала к нему и увидела на полу, в углу, темный кружок.

Металлический замызганный диск.

Я подобрала его, потерла о полу платья, и он заблестел светлыми желтыми бликами.

— Золотой?! — воскликнула я, рассматривая монету.

— Конечно, — солидно подтвердил кот.

— О-о-о, — благоговейно произнесла я, взвешивая на руке трофей.

Монета была огромная. На половину ладони. И ужасно тяжелая, как стогривовая гиря.

— И рассчитываются прям золотом? — недоверчиво

спросила я.

— Разумеется, нет! — рассердился кот. — Я должен еще подсказать, где тебе обменять золото на деньги?!

— Ювелиры! Справут! — гавкнул Бобка.

— Верно, — обрадовалась я. — Там можно обменять золото на деньги!

— Ну-у, — протянул кот задумчиво, — по ту сторону дороги лавка Справутов должна отыскаться сразу. На ней большая вывеска.

— Тогда скорее в дорогу! — воскликнула я. — Чего ж мы ждем?!

Я замоталась в шаль. Увязала в узелок тяжелую монету.

Во дворе, у крыльца, отыскала почти новенькую тачку.

— Это зачем? — удивился кот.

— Если много денег наменяю, то куплю вам корма, — ответила я, оглядев любопытные морды провожающих меня котов. — Ну, и педали куда я положу? У меня ни сумки, ни крепкого мешка.

— Ну да, — согласился кот. — Логично. Что ж, удачи вам.

И мы с Бобкой ринулись через парк, к дороге, за которой приветливыми огнями фонарей сверкал Монствилль.

Парк был небольшой. Я пересекла его за десять минут.

И за эти же десять минут повалил такой густой снег, что ничего не было видно впереди. Даже огней.

Стало тихо и светло. Но абсолютно незнакомо. И я даже

запаниковала, а туда ли я иду.

Небо из черного стало серым от снеговых туч. Деревья согнулись под тяжестью нападавшего снега.

Тачка моя колесами чертила на снегу черную колею, но снег почти сразу ее засыпал, и как добираться обратно, я не знала.

Я лишь старалась идти меж сосен прямо, никуда не сворачивая.

А Бобка уверенно несясь вперед, иногда останавливаясь под деревьями и поднимая лапку, чтоб пометить ствол.

Эти десять минут в тишине, метели и в одиночестве показались мне вечностью.

Но вот мы набрели в ложбинку, за которой был пригорок, поросший заснеженными кленами. А за ним — дорога! И яркие фонари города!

— Ура, выбрались! — радостно выдохнула я.

Мы взобрались на пригорок, уверенно перешли через дорогу, и оказались на оживленной улице Монстрвилля.

— Вот это да! — ахнула я, раскрыв рот и остановившись. И тачку свою бросила от изумления!

Несмотря на поздний час, городок гудел.

Блестели золотым светом стеклянные витрины, рекламные вывески светились разноцветными огоньками.

Горели фонари — намного более яркие, чем в доме, который я убирала.

А по улицам разгуливали ведьмы!

Юные, с горящими зелеными глазами! С роскошными пышными волосами

В широкополых шляпах и в полосатых чулках!

В длинных плащах — и в коротеньких юбочках под ними!

В крепких ботинках и в красивых сапожках!

А некоторые с визгом пролетали на метлах над моей головой!

Что чувствует человек, очутившийся в сказке?

Невероятный шок.

В этой развеселой толпе, спешащей по своим ночным делам, я была абсолютно лишняя и чуждая.

И все же я была тут!

— Справут! — гавкнул Бобка, выводя меня из ступора.

— Лавка! Здесь!

И он снова твякнул на большую, сверкающую золотом вывеску над светящейся витриной.

— О-о-о, ты и читать умеешь? — изумилась я.

Бобка вместо ответа чихнул.

Снег налип на его черную шерсть, и песик был похож на снеговика.

— Пойдем скорее, пока тебя совершенно не замело, — сказала я, взявшись за ручки тачки.

Мы подрулили к красивому крыльцу. Я отряхнулась, как могла, снимала с Бобки комья налипшего снега, и мы вошли в ювелирную лавку Справутов.

За стеклянным прилавком, на котором сверкали золотые

украшения и безделушки, меня радостно приветствовал сам хозяин, Справут.

Ну, как — радостно...

Рот, конечно, у него был от уха до уха.

Но только потому, что он был... лягушкой.

Огромной человекообразной лягушкой, наряженной в костюм-тройку, с колпаком из резных серо-зеленых листьев на голове.

Колпак поблескивал золотыми звездами, как у заправского звездочета.

Справут смотрел своими лягушиными глазами куда угодно, в разные стороны, только не на меня.

— Доброй ночи, милая барышня, — проскрипел Справут весьма любезно. — О, какая милая у вас собачка!

— Гав! — сказал Бобка вежливо.

— Чем могу помочь? Желаете приобрести колечко? Может быть, сережки по сходной цене?

— Нет, — ответила я. — Желаю продать золото.

— Золото? — удивился Справут.

— Да, старинную монету, — ответила я.

— Любопытно, — Справут почесал зеленой глянцевої лапой подбородок. — А можно взглянуть?

Я достала узелок с монеткой и выложила ее на прилавок.

Глаза Справута съехались к его лягушечьему носу.

Своими влажными трехпальными лапами он осторожно, словно монета была из тончайшего фарфора, взял золото и

поднес к своему лицу.

— Это что, — произнес он, — это вы здесь взяли?

— Ну да, — храбрясь, ответила я. — Мне сказали — при уборке можно брать все, что угодно. Золото, камешки...

— Это да, — произнес Справут. В голосе его послышалось странное ликование. — Найденное золото принадлежит вам. Несомненно. Но почему вы не унесли его домой, почему решили продать здесь?

— Мне нужны деньги, — ответила я честно. — Чтоб купить педали для Тыкводжека и продолжить уборку. А еще накормить котов.

— Накормить котов, — повторил Справут с ликованием и откинулся назад, чтобы получше меня рассмотреть. — Что ж, вы пришли по адресу!

Далее Справут ловко достал стеклянный стаканчик и не менее ловко налил туда некой голубоватой жидкости. Щипчиками поместил туда монету, и жидкость вскипела.

Черный налет мигом сполз с золота, превратился в грязную пену.

— Так-с, так-с, — квакал Справут удовлетворенно, вынимая чистую и блестящую монету из раствора. — Теперь мы ее взвесим и оценим!

Он обтер монету об специальную тряпочку, аккуратно сложенную на его конторке.

Плюхнул ее пинцетиком на старинные гиревые весы с блестящими латунными чашками и поставил на другую чашу

весов гирьку.

Гирька оказалась легче монеты, и Справут радостно потерял лары.

— Так-с, так-с! — проквакал он. — Великолепно!

Тем же пинцетом он добавлял на весы гирьки до тех пор, пока весы не уравнились. Узкая острая стрелка указала на ноль.

Справут снова жарко потерял свои лапы и вытащил старинные счеты с костяшками.

— Это так, это сюда, — бормотал он, лапой гоня звонко щелкающие костяшки туда-сюда. — Накинем за старость. Старинные монеты — это редкость, да-с! Итого пятьдесят монет, барышня!

— Так много? — удивилась я.

— Так будете менять? — волнуясь, уточнил Справут. — Прикажете отсчитать?

— Конечно, — ответила я.

И Справут радостно хлопнул в ладоши.

Он ловко вытащил из старого, тяжелого железного сейфа с огромным вентилем на скрипучей дверце мешочек с деньгами и передал мне.

— Считайте! — радостно велел он.

— Все верно, — сказала я, пересчитав деньги.

— Тогда считаю сделку завершенной! — торжественно и радостно произнес Справут и пожал мне руку.

— Да, — подтвердила я, не понимая, чего он так радуется.

На улице тем временем бахнул салют, да такой яркий, что даже хорошо освещенная лавка Справута стала еще светлее.

— Хорошей ночи, барышня! — еще раз произнес ювелир.

— Не подскажите, где тут можно купить педали для Тыкводжека? — спросила я.

— О, это недалеко. Третья лавка налево! — мило ответил мне Справут.

— Спасибо! Доброй ночи! — сказала я, не желая уступать Справуту в любезности.

И мы с Бобкой, окрыленные удачной сделкой, двинули в сторону магазинов, толкая перед собой тачку.

Из лавки, указанной Справутом, слышался веселый смех. Бронзовый колокольчик над дверями то и дело звякал, выбегали юные ведьмочки, прижимая к груди свертки с покупками.

Они лихо оседлывали метлы и свечой уходили в ночное небо, с визгом и хохотом.

— Какое интересное заведение, — пробормотала я, рассматривая светящуюся витрину и пристраивая свою тачку у стены.

— Универмаг! — гавкнул Бобка.

И мы решительно ступили на крыльцо, ведущее в магазин. Да-а-а, чего тут только не было!

Весь магазин был уставлен стеллажами, на которых были прикреплены старинные вывески.

«Посуда для колдовства» — прочла я на одной из них.

На полках были расставлены медные и железные трехногие котелки, потемневшие глиняные чайники и бутылочки из разноцветного стекла.

На другом стеллаже располагались магические ингредиенты, причудливые грибы в стеклянных банках, камни в ступках, порошки в коробочках...

— Чем могу помочь, милая горничная?

Продавец тут оказался обычным человеком.

Небольшого роста круглолицый толстяк с блестящей лысиной, окруженной огненно-рыжими лохмами волос. Одет он был в клетчатые штаны горчичного цвета, в белую сорочку и в клетчатый же жилет.

Под круглым подбородком у него располагалась яркая красная бабочка.

Он доброжелательно смотрел на меня круглыми глазками и улыбался.

— Мне педали и шланг на Тыкводжек, — робко произнесла я.

— О, у нас большой выбор! — оживился продавец. — Ваш Тыкводжек какой модели?

— Ноль пятьдесят, — ответила я.

— Прекрасная модель! — возрадовался продавец. — Пройдемте!

Он ловко меня увлек к прилавку и вывалил на него тыкву.

— У меня есть, — запротестовала я.

— Да вы не понимаете! Это же демонстрационная модель!

— вскричал темпераментный продавец и брякнул рядом с тыквой целую связку педалей.

— Вам какого цвета? — деловито спросил он, яростно вкручивая в тыкву педали черного цвета. — Серебристые, белые матовые, под золото? Смотрите, как стильно! Они прослужат долго.

— Ровно ночь, — ответила я. — После того, как пылеглот нахватает кучу призраков тараканов.

— О, нет-нет! — закричал продавец, маша руками. — Такая прекрасная модель пылеглота! Как можно ее выбрасывать?! Ведь можно приладить ловушку для духов! И просто ее отстегивать, и все! Стоит она сущие гроши! Менять ловушки намного проще и экономнее, чем выбрасывать пылеглоты!

И он, не говоря более ни слова, воткнул тыкве шланг!

А на этом шланге, ровно посередине, располагался стеклянный шар.

— Вот она, ловушечка! — с хохотом сообщил мне темпераментный продавец. — Нажмите на этот рычажок! Чувствуете, как легко отстегивается? А теперь вставьте обратно! Чувствуете, как просто?

— Чувствую, — согласилась я.

— А вот это головорез! — кровожадно сообщил продавец, ухватив некую железяку, здорово похожую и на корону, и на крышку от чайника.

Со зверской силой продавец шмякнул этой железякой по тыкве, пробив острыми краями идеально круглую дыру.

— Видите, как легко?!

Он яростно крутанул головорез в тыкве и с хохотом вырвал все ее внутренности!

Вот это шоу!

— Вместо семечек можно влить в Тыкводжека моющее средство, — пыхтел продавец, вернув головорез на место и открывая металлическую блестящую крышечку. — Видите, как удобно?!

Он с ловкостью фокусника ухватил некую бутылочку, свернул с нее крышечку, откинул крышку на тыкве и ливнул внутрь нее ароматную жидкость.

Запахло розами. Остро, нестерпимо.

— У нас есть моющие средства на любой вкус и на любой случай! И мыть мебель, и мыть кафель! — темпераментно столкнув тыкву на пол и принимаясь качать педаль, заявил продавец. — Смотрите!

Тыкводжек мгновенно вспух.

Продавец, ни минуты не медля, направил шланг на меня и окатил пахнувшей розами водой.

— Ай! — завизжала я.

Промокла до костей!

Да еще и запахла розовым маслом так, что голова закружилась.

— Чувствуете, как сосет?! — проорал продавец, перекры-

вая вой Тыкводжека.

Он направил на меня щетку. Пылеглот засосал край моего платья, и оно мгновенно стало сухим. Мгновенно!

А запах роз стал умеренным, тонким и приятным.

— А еще он сушит! — проорал продавец, качнув педалью.

И Тыкводжек без предупреждения дунул на меня теплым воздухом, как фен.

Я только успела схватить юбку. А то рисковала повторить знаменитую сцену с Мерилин.

— Видите, как чисто?!

И это было правдой.

Мое платье, порядком выпачканное после вчерашней уборки, стало как новое. Блестящее, стиранное и выглаженное.

— Чудеса! — рассмеялась я.

— Берете?! — деловито осведомился продавец.

— А сколько это будет стоить? Мне б, знаете, такое средство, чтоб отмыть комнату от дохлых тараканов...

— О, дохлые тараканы? Какая прелесть! Где произошло массовое истребление? — деловито осведомился он.

— На кухне, — призналась я.

— Еще лучше! — вскричал он, потирая ручки. — Тогда рекомендую вам «Пузыри радужные универсальные». Ароматизаторы тоже по вкусу. Щетки-трещотки интересуют?

— Это что такое? — насторожилась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.